

Г. А. Багатурия

Маркс о любви

Эта тема может показаться странной. Маркс, основоположник и классик, гениальный ученый и великий революционер, — и вдруг... о любви!

Или, наоборот, — банальной. Маркс о научном коммунизме, о религии, об искусстве, а теперь — о любви...

Впрочем, не существует, пожалуй, банальных тем, но бывают банальные, скучные и малосодержательные решения. И наоборот, какой бы странной и даже парадоксальной ни казалась тема, — если относящаяся к ней информация объективна, содержательна и полезна, то сама тема представляет интерес и имеет право на существование.

Судите сами.

И в дружбе и в любви он был на редкость счастлив. Было ли это делом случая? Надо полагать, если не все, то главное зависело от самого человека.

В своей знаменитой «Исповеди» на вопрос «Ваше любимое изречение» он отвечал

Карл Маркс. 1866.

словами Теренция: «Ничто человеческое мне не чуждо» (Соч., т. 31, стр. 492).

Его младшая дочь Элеонора вспоминала о нем словами Шекспира:

«Он человек был, человек во всем,
Ему подобных мне уже не встретить».

И она же о нем писала:

«Для знавших Карла Маркса нет более забавной легенды, чем та, которая обычно изображает его угрюмым, суровым, непрклонным и неприступным человеком... Подобное изображение самого живого и самого веселого из всех когда-либо живших людей, человека с бьющим через край юмором и жизнерадостностью, человека, искренний смех которого был заразителен и неотразим, самого приветливого, мягкого, отзывчивого из товарищей, являлось постоянным источником удивления и забавы для всех, знавших его» («Воспоминания о Марксе и Энгельсе». М., 1956, стр. 262 и 255).

В своей «Исповеди» на вопрос «Ваше представление о счастье» он отвечал — «Борьба». Он был мужественным борцом. Но «этот суровый борец имел глубоко любящую душу». «У этого мужественного борца в глубине сердца было сокровище мягкости, доброты и нежной преданности», — вспоминал его внук Эдгар Лонге («Воспоминания...» стр. 271). Вот почему так глубоко и точно сказала о нем Элеонора: «Он потому и умел так остро ненавидеть, что был способен так глубоко любить» («Воспоминания...», стр. 261).

Он человек был, человек во всем. Ничто человеческое не было ему чуждо. Без этого он никогда не смог бы так много сделать для человечества.

В юношеском сочинении «Размышления юноши при выборе профессии», кончая гимназию, он писал, что смысл жизни — «работать для человечества». Не пройдет и десяти лет, как этот абстрактно-гуманистический порыв юноши конкретизируется совершенно определенным образом: целью его жизни станет *борьба за освобождение рабочего класса*. Во время революции 1848—1849 годов он будет издавать в Кёльне знаменитую «Новую Рейнскую газету» — этот, по словам Ленина, «лучший, непревзойденный орган революционного пролетариата». В последнем, красном номере газеты редакция обратится к кёльнским рабочим с прощальными словами: «Редакторы «Новой Рейнской газеты», прощаясь с вами, благодарят вас за выраженное им участие. Их последним словом всегда и повсюду будет: *освобождение рабочего класса!*» (Соч., т. 6, стр. 564).

Вы помните, на вопрос «Ваша отличительная черта» Маркс отвечал: «Единство цели». Он был поразительно разносторонне одарен и в своей деятельности поистине энциклопедически универсален. Его работы в области гуманитарных наук — философии, истории, политической экономии — совершили подлинную революцию. Но он прекрасно знал и многие естественные науки — физику, химию, биологию, астрономию, геологию, анатомию и физиологию, а также историю и теорию техники. После его смерти остались обширные — около тысячи страниц — математические рукописи. Он начал с учебных упражнений в области алгебры и высшей математики, а кончил самостоятельными работами, в которых ставил своей целью дать диалектическое обоснование дифференциального исчисления. Он был великим знатоком мировой художественной литературы. Гёте, Гейне, Шекспира, Бальзака он знал чуть ли не наизусть, а в молодости сам пробовал писать и стихи, и новеллы, драмы и даже роман. Он любил повторять: «Иностранный язык — это оружие в жизненной борьбе», — и на протяжении всей своей жизни он совершенствовал и оттачивал это свое оружие. Его основные произведения — такие, как «Манифест Коммунистической партии» и четырехтомный «Капитал», — написаны, естественно, на родном немецком языке. Но когда ему понадобилось выступить против Прудона, он написал «Нищету философии» на чистейшем французском языке. Когда он вынужден был переселиться в Англию и начал многолетнее сотрудничество в одной прогрессивной американской газете, то статьи для нее он уже писал на английском языке. Он любил перечитывать Эсхила по-древнегречески, «Божественную комедию» Данте — по-итальянски, «Дон Кихота» Сервантеса — по-испански. В пятьдесят лет, когда для раздела о земельной ренте в III томе «Капитала» ему потребовалось использовать русские материалы, он начал изучать русский язык и через полгода мог уже читать не только русскую экономическую, но и художественную литературу.

Таков был этот гениальный энциклопедист XIX века. И сверх того он был великим организатором, тактиком и стратегом борющегося пролетариата.

Но вся эта невероятно разносторонняя деятельность сводилась в конечном счете к одному фокусу, она имела одну единую цель, и этой целью и счастьем всей его жизни была *борьба за освобождение рабочего класса*.

«Ваша отличительная черта?» — «Единство цели».

Женни Маркс, жена Карла Маркса. Начало 50-х годов.

«Ваше представление о счастье?» — «Борьба!»

Борьба за освобождение рабочего класса. И все-таки — по свидетельству Поля Лафарга — «работать для человечества» было одним из его любимых выражений («Воспоминания...», стр. 62).

И находятся же «критики», которые смеют противопоставлять созданное им учение и гуманизм!

Ведь глубочайшим гуманизмом пронизаны каждое его произведение, десятки томов его литературного наследия, вся созданная им теория от начала и до конца, вся его практическая деятельность.

Но мы несколько отвлеклись.

Его человечность проявлялась не только в великом деле его жизни, но и в его отношении к окружающим его людям, в его отношении к семье, к друзьям и товарищам — к его непосредственному человеческому окружению. Она проявлялась и в его дружбе и в его любви.

Это был человек на редкость целостный и в теории и просто в жизни. Он был гуманист в высшем смысле этого слова. Именно поэтому он так много сделал не только для пролетариата, но и для всех трудящихся людей (а нетрудящийся уже перестает быть подлинно человеком, ведь недаром *труд* создал человека), для всего человечества.

О дружбе Маркса и Энгельса, ставшей легендой, знают многие. Меньше знают о любви Маркса, еще меньше — о его взглядах на любовь. Но навряд ли без глубокого понимания этого чувства возможна была бы столь идеальная любовь, которая на протяжении чуть ли не полувека связывала двух замечательнейших людей — Карла Маркса и Женни фон Вестфален.

В течение многих лет после смерти Маркса наследники хранили в тайне его интимные письма. Подавляющая часть подобных документов стала известна лишь десятилетия спустя, и многие из них — лишь в самые последние годы. А ведь они проливают новый свет не только на взаимоотношения Маркса и Женни, но и на его жизненные воззрения.

Почти все письменные свидетельства, приводимые далее, были опубликованы за последние 35 лет, тогда как после смерти Маркса минуло уже 85 лет — на полвека больше.

Итак, предоставим слово самому Марксу. Рассмотрим специально хотя бы три-четыре документа из его рукописного наследства.

В 1932 году была впервые полностью опубликована работа Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года». Это очень трудное для понимания, но поистине гениальное произведение молодого Маркса. Оно относится к начальному этапу того революционного переворота, который совершил Маркс в области философии, и представляет собой первую попытку дать всестороннее научное обоснование коммунистического мировоззрения. Здесь в самых общих чертах намечаются уже контуры всех трех

составных частей будущей марксистской теории.

Но нас интересует сейчас не общее содержание этой замечательной рукописи и не центральная ее проблема, сложнейшая проблема отчуждения — предмет ожесточенных дискуссий последних лет, — а всего лишь несколько строк в ней, написанных летом, по всей вероятности в августе 1844 года. Это, пожалуй, первое прямое высказывание Маркса о любви вообще. Вот эти строки:

«Если ты любишь, не вызывая взаимности, — пишет Маркс, — т. е. если твоя любовь как любовь не порождает ответной любви, если ты своим *жизненным проявлением* в качестве любящего человека не делаешь себя *человеком любимым*, то твоя любовь бессильна, и она — несчастье» («Из ранних произведений». М., 1956, стр. 620).

Простой смысл этих строк: любовь должна быть взаимной; если она не вызывает взаимности, не порождает ответной любви, то такая любовь бессильна, и она — несчастье.

Так должно быть, и это будет нормой будущего, подлинно человеческого общества. Но это не является нормой общества, в котором господствуют частная собственность и деньги, — в особенности буржуазного общества.

На примерах, взятых у Гёте («Фауст») и Шекспира («Тимон Афинский»), Маркс показывает, как извращаются в этом обществе отношения между людьми, в том числе и отношения между мужчиной и женщиной. Свойства денег становятся здесь свойствами самого человека, который ими обладает. «Я уродлив, но я могу купить себе *красивейшую* женщину. Значит, я не *уродлив*, ибо действие *уродства*, его отпугивающая сила, сводится на нет деньгами». «Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость». «Деньги осуществляют братание невозможностей; они принуждают к поцелую то, что противоречит друг другу».

Существующему буржуазному обществу Маркс противопоставляет будущее, подлинно человеческое общество, извращенным отношениям между людьми — отношения подлинно человеческие: «Предположи теперь, — пишет он, — человека как человека и его отношение к миру как человеческое отношение: в таком случае ты сможешь любовь обменивать только на любовь, доверие только на доверие и т. д.». И только при этой пред-

посылке, то есть только в условиях такого действительно человеческого общества, взаимная любовь станет нормальной формой проявления любви.

То, что, как предвидел Маркс, должно было стать нормой в будущем обществе, — то в условиях времени, которое он называл «предысторией человеческого общества», могло быть лишь счастливым исключением. Таким блестящим, удивительным исключением была любовь самого Маркса. Только силой своей любви, проявлением своей человеческой сущности породил он ответную любовь такой замечательной девушки, какой была Женни фон Вестфален. Недавние новые публикации лишний раз подтверждают это. Вот два примера.

70 лет тому назад Элеонора Маркс впервые передала гласности несколько строк из одного неопубликованного письма своего отца.

«Всю свою жизнь, — писала она, — Маркс не только любил, но был влюблен в свою жену. Передо мной лежит любовное письмо, оно пылает такой огненной страстью, точно писал его 18-летний юноша; а ведь Маркс писал его в 1856 году, после того, как Женни родила ему шестерых детей. Когда в 1863 году смерть матери отозвала его в Трир, он писал оттуда:

«Каждый день хожу на поклонение святым местам — старому домику Вестфаленов (на Римской улице): этот домик влечет меня больше, чем все римские древности, потому что он напоминает мне счастливое время юности, он таил когда-то мое самое драгоценное сокровище. Кроме того, со всех сторон, изо дня в день, меня спрашивают, куда девалась первая красавица Трира и царица балов. Чертовски приятно мужу сознавать, что жена его в воображении целого города продолжает жить как зачарованная принцесса» («Воспоминания...», стр. 263—264).

Прошло 65 лет, и только пять лет назад, в 1963 году, это интереснейшее письмо было, наконец, опубликовано полностью — ровно через сто лет после того, как оно было написано (см. т. 30, стр. 531—532).

Но не это самое интересное во всей этой истории. Ведь, приведя несколько строк из письма 1863 года, Элеонора не опубликовала ни строчки из другого, более раннего письма — 1856 года, — того самого «любовного письма», которое, по ее словам, «пылает такой огненной страстью, точно писал его 18-летний юноша». В течение ста с лишним

Фридрих Энгельс. 1864.

лет это упомянутое Элеонорой интимное письмо хранилось в семье Маркса и у его потомков и не было доступно ни любопытному взгляду читателя, ни научному исследованию. Но вот в 1958 году в Милане, а затем в 1962 году впервые на русском языке (см. т. 29, стр. 432—436) оно было, наконец, опубликовано и стало вполне доступно. Вот фрагменты этого потрясающего письма:

«Моя любимая!

Снова пишу тебе, потому, что нахожусь в одиночестве и потому, что мне тяжело мысленно постоянно беседовать с тобой, в то время как ты ничего не знаешь об этом, не слышишь и не можешь мне ответить. Как ни плох твой портрет, он прекрасно служит мне, и теперь я понимаю, почему даже «мрачные мадонны», самые уродливые

изображения богородицы, могли находить себе ревностных почитателей, и даже более многочисленных почитателей, чем хорошие изображения. Во всяком случае ни одно из этих мрачных изображений мадонн так много не целовали, ни на одно не смотрели с таким благоговейным умилением, ни одному так не поклонялись, как этой твоей фотографии, которая хотя и не мрачная, но хмурая и вовсе не отображает твоего милого, очаровательного, «dolce», словно созданного для поцелуев лица. Но я совершенствую то, что плохо запечатлели солнечные лучи, и нахожу, что глаза мои, как ни испорчены они светом ночной лампы и табачным дымом, все же способны рисовать образы не только во сне, но и наяву. Ты вся передо мной как живая, я ношу тебя на руках, покрываю тебя поцелуями с головы до ног, падаю перед тобой на колени и вздыхаю: «Я вас люблю, madame!» И действительно, я люблю тебя сильнее, чем любил когда-то венецианский мавр. Лживый и пустой мир составляет себе ложное и поверхностное представление о людях. Кто из моих многочисленных клеветников и злоязычных врагов попрекнул меня когда-нибудь тем, что я гожусь на роль первого любовника в каком-нибудь второразрядном театре? А ведь это так. Найдись у этих негодяев хоть капля юмора, они намалевали бы «отношения производства и обмена» на одной стороне и меня у твоих ног — на другой. Взгляните-ка на эту и на ту картину, гласила бы их подпись. Но негодяи эти глупы и останутся глупцами во веки веков.

Временная разлука полезна, ибо постоянное общение порождает видимость однообразия, при котором стираются различия между вещами. Даже башни кажутся вблизи не такими уж высокими, между тем как мелочи повседневной жизни, когда с ними близко сталкиваешься, непомерно вырастают. Так и со страстями. Обыденные привычки, которые в результате близости целиком захватывают человека и принимают форму страсти, перестают существовать, лишь только исчезает из поля зрения их непосредственный объект. Глубокие страсти, которые в результате близости своего объекта принимают форму обыденных привычек, вырастают и вновь обретают присущую им силу под волшебным воздействием разлуки. Так и моя любовь. Стоит только пространству разделить

Ответы Маркса на анкету дочерей. Автограф. Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6113, л. 1 об.

Your favourite nation

..... in man

..... woman

Chief characteristic

Idea of happiness

..... misery.

The vice you esteem

..... detest

Aversion

Favourite occupation

..... Not

..... Have written

..... Flers

..... Germania

..... Flower

..... Colour

Colour of eyes & hair

Names

Dish

The characters in history you
most dislike

- No name

- Motto

simplicity
strength

weakness

singleness of purpose.

gallantry
sensibility

Martin Luther, Dick powder

bookworming

Dante, Deshayes, Shakespeare, Goethe.

Diderot, Lessing, Hegel, Bal

Sparks, Keppeler.

gasthen.

Daphne.

Red.

black.

Tenny, Laura

fish

nihil humani a me alienum puto

De omnibus Disputandum.

Karl

Marx

нас, и я тут же убеждаюсь, что время послужило моей любви лишь для того, для чего солнце и дождь служат растению — для роста. Моя любовь к тебе, стоит тебе оказаться вдали от меня, предстает такой, какова она на самом деле — в виде великана; в ней сосредоточиваются вся моя духовная энергия и вся сила моих чувств. Я вновь ощущаю себя человеком в полном смысле слова, ибо испытываю огромную страсть... любовь к любимой, именно к тебе, делает человека снова человеком в полном смысле этого слова.

Ты улыбнешься, моя милая, и спросишь, почему это я вдруг впал в риторику? Но если бы я мог прижать твое нежное, чистое сердце к своему, я молчал бы и не проронил бы ни слова. Лишенный возможности целовать тебя устами, я вынужден прибегать к словам, чтобы с их помощью передать тебе свои поцелуи. В самом деле, я мог бы даже сочинять стихи и перерифмовывать «Libri Tristum» Овидия в немецкие «Книги скорби». Овидий был удален только от императора Августа. Я же удален от тебя, а этого Овидию не дано было понять.

Бесспорно, на свете много женщин, и некоторые из них прекрасны. Но где мне найти еще лицо, каждая черта, даже каждая морщинка которого пробуждали бы во мне самые сильные и прекрасные воспоминания моей жизни? Даже мои бесконечные страдания, мою невозместимую утрату читаю я на твоём милом лице, и я преодолеваю это страдание, когда осыпаю поцелуями твое дорогое лицо. «Погребенный в ее объятиях, воскрешенный ее поцелуями», — именно в твоих объятиях и твоими поцелуями...

Прощай, моя любимая, тысячи и тысячи раз целую тебя и детей.

Твой Карл».

Письмо само по себе не нуждается в комментариях, если не считать тех многочисленных, в том числе литературных, фактов, которыми оно насыщено. С интересующей нас точки зрения следует, конечно, обратить особое внимание на ту часть письма, которая начинается словами «Временная разлука полезна...». Здесь, где явно сквозит некоторая горечь, затрагивается проблема соотношения любви и быта, чувства и той социальной действительности, среды, в условиях которой оно развивается. Как и всякий другой человек, Маркс испытал это на собственном опыте. Его «идеальная любовь» возникла и развивалась далеко не в идеальных условиях, хотя это и не были худшие из возможных тогда условий.

Началось с того, что Карл и Женни вынуждены были обручиться тайно, а затем в течение долгих семи лет вести упорную борьбу за право стать мужем и женой. Он был студент, из небогатой и незнатной семьи, с весьма неопределенными видами на будущее, хотя и со страстным желанием «работать для человечества». Она — девушка из богатой аристократической семьи, «первая красавица Трира и царица балов». По понятиям ее среды, брак с этим юношей был бы партией далеко не блестящей, короче говоря — мезальянс. И вот любовь уже вынуждена бороться за свое существование и за свое будущее.

Через семь лет, незадолго до того, как они стали, наконец, мужем и женой, Маркс писал одному из друзей:

«Могу Вас уверить без тени романтики, что я по уши влюблен, и притом — серьезнейшим образом. Я обручен уже более семи лет, и моя невеста выдержала из-за меня самую ожесточенную, почти подточившую ее здоровье борьбу, отчасти с ее пиелистски-аристократическими родственниками, для которых «владыка на небе» и «владыка в Берлине» в одинаковой степени являются предметами культа, отчасти с моей собственной семьей, где засело несколько попов и других моих врагов. Поэтому я и моя невеста выдержали в течение ряда лет больше ненужных и тяжелых столкновений, чем многие лица, которые втрое старше и постоянно говорят о своем «житейском опыте»...» (т. 27, стр. 374).

Так начиналась их совместная жизнь. А впереди предстояли еще годы преследований, изгнаний, нужды. У них было семь человек детей, четверо из которых умерли в условиях поистине пролетарской нищеты. Буржуазное общество, в условиях которого им приходилось жить и бороться, мстило им, как могло.

Внешние условия жизни не могли не омрачать чувства. Поэтому изображать эту действительно исключительную любовь одной розовой краской было бы искажением правды. Но об этом речь еще впереди.

Пять лет назад, то есть в том же году, когда впервые полностью было напечатано упомянутое письмо Маркса Женни 1863 года, в составе второго русского издания Сочинений Маркса и Энгельса, этого в настоящее время наиболее полного в мире издания литературного наследия основоположников научного коммунизма, а именно в его 31-м томе (стр. 435—436) было вообще впервые опубликовано интереснейшее пись-

мо Маркса Полю Лафаргу, которое мы и приведем здесь целиком, с некоторыми комментариями, ибо все это письмо — о любви.

Маркс выступает теперь в новой роли — в роли отца, дочь которого собирается замуж. Поль Лафарг — юный друг Маркса (ему 24 года) и в будущем один из самых способных его учеников и самых замечательных его последователей — любит его вторую дочь Лауру (ей 21 год) и хочет на ней жениться.

Посмотрим, какую позицию занимает в этой ситуации Маркс. Вот его письмо, оно помечено: «Лондон, 13 августа 1866 г.» (Марксу 48 лет).

«Дорогой Лафарг!

Разрешите мне сделать Вам следующие замечания:

1) Если Вы хотите продолжать свои отношения с моей дочерью, то нужно будет отказаться от Вашего метода «ухаживания». Вы прекрасно знаете, что твердого обещания нет, что все еще неопределенно. И даже если бы она была помолвлена с Вами по всем правилам, Вы не должны были бы забывать, что дело это затяжное. Проявления слишком большой интимности были бы тем более неуместны, что оба влюбленных будут жить в одном городе в течение длительного периода, неизбежно полного тяжелых испытаний и страданий. Я с ужасом наблюдал перемены в Вашем поведении изо дня в день, за геологический период одной только недели. На мой взгляд, истинная любовь выражается в сдержанности, скромности и даже в робости влюбленного в отношении к своему кумиру, но отнюдь не в непринужденном проявлении страсти и выказывании преждевременной фамильярности. Если Вы сошлетесь на свой темперамент креола, моим долгом будет встать с моим здравым смыслом между Вашим темпераментом и моей дочерью. Если, находясь вблизи нее, Вы не в силах проявлять любовь в форме, соответствующей лондонскому меридиану, придется Вам покориться необходимости любить на расстоянии. Имеющий уши поймет с полуслова.

2) Прежде чем окончательно определить Ваши отношения с Лаурой, мне необходимо иметь полную ясность о Вашем материальном положении. Моя дочь предполагает, что я в курсе Ваших дел. Она ошибается. Я не ставил этого вопроса, так как, по моему мнению, проявить инициативу в этом отношении следовало Вам. Вы знаете, что я принес все свое состояние в жертву революционной борьбе. Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое.

Только я не женился бы. Поскольку это в моих силах, я хочу уберечь мою дочь от рифов, о которые разбилась жизнь ее матери. Так как это дело никогда не достигло бы нынешней ступени без моего непосредственного вмешательства (слабость с моей стороны!) и без влияния моей дружбы к Вам на поведение моей дочери, то личная ответственность всей тяжестью падает на меня. Что касается Вашего теперешнего положения, то те сведения, которых я не искал, но которые получил помимо своего желания, вовсе не успокоительны. Но оставим это. Что же касается общего Вашего положения, то я знаю, что Вы еще студент, что Ваша карьера во Франции наполовину разбита событиями в Льеже, что для Вашей акклиматизации в Англии у Вас пока что отсутствует необходимое условие — знание языка и что в лучшем случае Ваши шансы являются совершенно проблематичными. Наблюдение убедило меня в том, что Вы по природе не труженик, несмотря на приступы лихорадочной активности и добрую волю. В этих условиях Вы будете нуждаться в поддержке со стороны, чтобы начать жизнь с моей дочерью. Что касается Вашей семьи, о ней я ничего не знаю. Предположим, что она обладает известным достатком, это не свидетельствует еще о готовности с ее стороны нести жертвы ради Вас. Я не знаю даже, какими глазами она смотрит на проектируемый Вами брак. Мне необходимы, повторяю, положительные разъяснения по всем этим пунктам. Кроме того, Вы, убежденный реалист, не можете ожидать, чтобы я отнесся к будущему моей дочери как идеалист. Вы, будучи человеком столь положительным, что хотели бы упразднить поэзию, не пожелаете ведь заниматься поэзией в ущерб моей дочери.

3) Чтобы предупредить всякое ложное истолкование этого письма, заявляю Вам, что если бы Вы захотели вступить в брак сегодня же, — этого не случилось бы. Моя дочь отказала бы Вам. Я лично протестовал бы. Вы должны быть сложившимся человеком, прежде чем помышлять о браке, и необходим долгий срок проверки для Вас и для нее.

4) Я хотел бы, чтобы это письмо осталось тайной между нами двумя. Жду Вашего ответа.

Ваш Карл Маркс».

В этом письме поражают контрасты: любовь к дочери и к другу, возвышенное отношение к самой любви — и необычайная трезвость; блестящее остроумие — и глубокая горечь.

О своем отношении к любви Маркс гово-

рит здесь прямо, и мы повторим это важнейшее место еще раз:

«На мой взгляд, истинная любовь выражается в сдержанности, скромности и даже в робости влюбленного в отношении к своему кумиру, но отнюдь не в непринужденном проявлении страсти и выказывании преждевременной фамильярности».

Что касается поражающей трезвости этого письма, то неверно было бы думать, что с годами Маркс отрезвел, забыл о своей собственной эпохе бури и натиска, что перед нами привычное отношение старшего поколения к младшему.

Ведь еще до того, как он посвятил две большие тетради своих стихов «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален», в сочинении на аттестат зрелости он с удивительной для 17-летнего юноши трезвостью писал: «Но мы не всегда можем избрать ту профессию, к которой чувствуем призвание; наши отношения в обществе до известной степени уже начинают устанавливаться еще до того, как мы в состоянии оказать на них определяющее воздействие» («Из ранних произведений», стр. 3). И эта необычайная трезвость, глубокий реализм его отношения к жизни, к окружающему миру приведет его сначала к объективному идеализму Гегеля и в конце концов — к самому последовательному материализму и к научному коммунизму.

Но ведь этот самый трезвый материалист будет писать потом своей Женни пылающие огненной страстью письма, и два из них, как мы видели, были написаны совсем незадолго до этого отрезвляющего письма Полю Лафаргу.

А почитайте потрясающее описание Элеонорой последних дней Женни. Осенью 1881 года Маркс и Женни были тяжело больны. «Это было ужасное время,— вспоминает их младшая дочь.— В первой большой комнате лежала наша мамочка, в маленькой комнате, рядом, помещался Мавр... Мавр еще раз одолел болезнь. Никогда не забуду я то утро, когда он почувствовал себя достаточно окрепшим, чтобы пройти в комнату мамочки. Вместе они снова помолодели,— это были любящая девушка и влюбленный юноша, вступающие вместе в жизнь, а не надломленный болезнью старик и умирающая старая женщина, навеки прощавшиеся друг с другом». 2 декабря 1881 года умерла Женни.

Ответы Энгельса на анкету дочерей Маркса. Автограф. Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6113, л. 23.

В этот день Энгельс сказал: «Мавр тоже умер» («Воспоминания...», стр. 123—124). Правда, он пережил ее на 15 месяцев, но это уже был год постепенного угасания.

Или возьмите его письма этого последнего периода: «Ты знаешь,— пишет он «как всегда верному и неразлучному» Энгельсу,— что мне более чем кому-либо чужд демонстративный пафос; однако было бы ложью не признаться, что мои мысли большей частью поглощены воспоминаниями о моей жене, которая неотделима от всего того, что было самого светлого в моей жизни». И он пишет старшей дочери, которую звали тоже Женни: «Против душевных страданий существует лишь одно эффективное противоядие — физическая боль... Даже в последние часы — никакой борьбы со смертью: медленное угасание; ее глаза были выразительнее, красивее, лучезарнее, чем всегда! ...В ней все было естественно и правдиво, просто, без всякой фальши; отсюда и впечатление, которое она производила на людей,— бодрое и жизнерадостное. Г-жа Гесс пишет даже: «В ее лице природа разрушила свой собственный шедевр, ибо во всю свою жизнь я не встречала такой умной и любящей женщины» (т. 35, стр. 35—36, 196, 197, 204).

Нет, не от пресловутого «житейского опыта» идет отрезвляющий тон письма Полю Лафаргу. В Марксе на протяжении всей его сознательной жизни неразрывно сочетались страсть и трезвость, порыв и расчет, горение и хладнокровие. И если столь высокие и строгие требования предъявляет он к чувству, то это идет от глубокого понимания тех трудностей, которые должно вынести оно в условиях определенной социальной среды. Вынести, чтобы устоять и не погибнуть — и не обратиться в величайшее несчастье для тех, в ком оно родилось.

По личному опыту знал он, чем это грозит: «Вы знаете,— предупреждает он юношу,— что я принес все свое состояние в жертву революционной борьбе». (Это точно, в буквальном смысле.) «Я не сожалею об этом. Наоборот. Если бы мне нужно было снова начать свой жизненный путь, я сделал бы то же самое. Только я не женился бы. Поскольку это в моих силах, я хочу уберечь мою дочь от рифов, о которые разбилась жизнь ее матери».

Не от недостатка любви, а от избытка ее идет это горькое признание. Они были счастливы, как могли быть счастливы два таких человека и так любивших друг друга. Но их человеческую жизнь не могли не отравлять нечеловеческие условия их жизни. В редких письмах самому близкому его другу проры-

ваются горькие признания о муках любимой женщины. Ему нелегко было бороться. Но быть может, тем, кто был близок ему и кого он так любил, было еще тяжелее.

Но он *должен* был осуществлять цель своей жизни. Письмо Лафаргу относится ко времени, когда Маркс завершал работу над I томом своего главного труда — «Капитала». А через несколько месяцев в другом письме, Зигфриду Мейеру, он, объясняя причину своего долгого молчания, признавался: «Итак, почему же я Вам не отвечал? Потому, что я все время находился на краю могилы. Я должен был поэтому использовать *каждый* момент, когда я бывал работоспособен, чтобы закончить свое сочинение, которому я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью. Надеюсь, что этого объяснения достаточно. Я смеюсь над так называемыми «практичными» людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре. Но я считал бы себя поистине *непрактичным*, если бы подох, не закончив полностью своей книги, хотя бы только в рукописи» (т. 31, стр. 454).

«Я принес в жертву здоровье, счастье жизни и семью...» И все-таки эта любовь дала им обоим неизмеримо много. Нельзя представить себе жизнь Маркса без его любви и его семьи, как невозможно мыслить ее вне его дружбы и совместного труда с Энгельсом.

Женни не стало. И в тот же день «Мавр тоже умер». Выступая на ее могиле, Энгельс сказал:

«Женщина прекрасной души...»

Она не только разделяла участь, труды и борьбу своего мужа, но и активно участвовала в них с величайшей сознательностью и с пламенной страстью...

Она дожила до того, чтобы увидеть, как революционное движение пролетариата, уверенного в своей победе, охватывало одну страну за другой, от России до Америки...

То, что эта жизнь, свидетельствующая о столь ясном и критическом уме, о столь верном политическом такте, о такой страстной энергии, о такой великой самоотверженности, сделала для революционного движения, не выставлялось напоказ перед публикой...

Мне незачем говорить о ее личных качествах. Ее друзья знают их и никогда их не забудут. Если существовала когда-либо женщина, которая видела свое счастье в том, чтобы делать счастливыми других, — то это была она» (т. 19, стр. 302—303).

А дочь Маркса Элеонора о своей матери писала:

«Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был» («Воспоминания...», стр. 260).

Это была любовь.

14 марта 1883 года Маркс навеки уснул в своем кресле.

Среди его рукописей Энгельс обнаружил составленный за два года до этого огромный конспект книги Морган «Древнее общество» с многочисленными замечаниями самого Маркса. Через год после его смерти, опираясь на эту работу своего друга, Энгельс поразительно быстро, буквально за два месяца пишет свою замечательную книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Эту свою работу Энгельс рассматривал как «в известной мере выполнение завещания» (т. 21, стр. 25).

Касаясь проблемы происхождения и эволюции семьи, он невольно развивает здесь и воззрения Маркса относительно любви. Это в высшей степени интересные моменты в книге Энгельса. Возьмем лишь самые важные.

Последовательный диалектик, Энгельс применяет здесь принцип историзма к анализу этого своеобразного явления. И он показывает, что индивидуальная половая любовь существовала не всегда, что, как и всякое другое социальное явление, она есть продукт исторического развития и что она возникла в сравнительно позднее время.

Вслед за этим Энгельс дает определение того, что такое любовь, выясняет ее самые существенные признаки. Вот это определение в несколько сокращенном виде: «Современная половая любовь, — говорит он, — существенно отличается от простого полового влечения... Во-первых, она предполагает у любимого существа взаимную любовь... Во-вторых, сила и продолжительность половой любви бывают такими, что невозможность обладания и разлука представляются обоим сторонам великим, если не величайшим несчастьем... И, наконец, появляется новый нравственный критерий для осуждения и оправдания половой связи; спрашивают не только о том, была ли она брачной или внебрачной, но и о том,

Ответы Женни Маркс на анкету дочерей. Автограф. Архив ИМЛ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6113, л. 2.

Your favourite virtue	— — —	sincerity
" " " in man		perseverance
" " " woman		affection
" chief characteristic		sensitiveness
idea of happiness		health
The vice you excuse most	hisery	dependence
" " " detest most		indecision
your aversion		ingratitude
favourite occupation		debts
" poet		needle work
Prose writer	— — —	Goethe
Hero	— — —	Martin Luther
Hervine		Coriolanus
Flower		Florence Nightingale
Colour		rose
Favourite maxim		blue
Motto		Never mind
		Nil desperandum

Jenny, Julia, Joan, Bertha Marx (1865)

возникла ли она по взаимной любви или нет» (т. 21, стр. 79—80).

Однако практика буржуазного общества противоречит тому, что уже признается в теории. И поэтому даже люди, ставшие в сознании своем выше условий этого общества, вынуждены, если они не утописты, считаться с реальными условиями своего времени.

Характерно в этом отношении то, что через несколько лет писал Энгельс по поводу поведения Карла Каутского его первой жене: «Вы говорите о Карле: без любви, без страсти его натура гибнет. Если эта натура проявляется в том, что каждую пару лет требует новой любви, то он сам ведь должен будет признать, что при нынешних условиях или такую натуру следует обуздать, или она запутает его и других в бесконечных трагических конфликтах» (т. 37, стр. 87).

Но в своей книге Энгельс предвидит, что с переходом от буржуазного общества к обществу коммунистическому вместе со всеми другими социальными отношениями радикально преобразуются и семейные отношения, а тем самым и условия существования, развития и проявления любви.

Отпадут экономические основы прежней семьи: «С переходом средств производства в общественную собственность индивидуальная семья перестанет быть хозяйственной единицей общества. Частное домашнее хозяйство превратится в общественную отрасль труда. Уход за детьми и их воспитание станут общественным делом; общество будет одинаково заботиться обо всех детях, будут ли они брачными или внебрачными» (т. 21, стр. 78).

Единственной и подлинной основой брака станет любовь: «Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранит все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности» (т. 21, стр. 84).

Но из этого следует: «Если нравственным является только брак, основанный на любви, то он и остается таковым только, пока любовь продолжает существовать. Но длительность чувства индивидуальной половой любви весьма различна у разных индивидов, в особенности у мужчин, и раз оно совершенно иссякло или вытеснено новой страстной любовью, то развод становится благодеянием

как для обеих сторон, так и для общества. Надо только избавить людей от необходимости брести через ненужную грязь бракоразводного процесса» (т. 21, стр. 84—85).

Когда основой брака станет только любовь, то он превратится в подлинное единобрачие: «Так, как половая любовь по природе своей исключительна... то брак, основанный на половой любви, по природе своей является единобрачием» (т. 21, стр. 84).

И, наконец, Энгельс формулирует общий вывод:

«Таким образом, то, что мы можем теперь предположить о формах отношений между полами после предстоящего уничтожения капиталистического производства, носит по преимуществу негативный характер, ограничивается в большинстве случаев тем, что будет устранено. Но что придет на смену? Это определится, когда вырастет новое поколение: поколение мужчин, которым никогда в жизни не придется покупать женщину за деньги или за другие социальные средства власти, и поколение женщин, которым никогда не придется ни отдаваться мужчине из каких-либо других побуждений, кроме подлинной любви, ни отказываться от близости с любимым мужчиной из боязни экономических последствий. Когда эти люди появятся, они отбросят ко всем чертям то, что согласно нынешним представлениям им полагается делать; они будут знать сами, как им поступать, и сами выработают соответственно этому свое общественное мнение о поступках каждого в отдельности,—и точка» (т. 21, стр. 85).

Здесь ярко проявляется научный характер коммунистических воззрений Маркса и Энгельса: не утопические предвосхищения деталей будущего общества, а объективный анализ тенденций развития существующего общества — вот единственно возможный способ познать основные черты будущего. Что же касается решения конкретных проблем будущего общества, то его нельзя ни предписать, ни предвосхитить — предоставьте это самим людям будущего, они будут не глупее нас. Такова была принципиальная точка зрения основоположников научного коммунизма.

Характерен в этом отношении один эпизод. Как-то, еще при жизни Маркса, в 1881 году Каутский обратился к Энгельсу с вопросом относительно возможной в будущем угрозы перенаселения. Послушайте, что ответил ему Энгельс. Это весьма любопытно и поучительно: «Абстрактная возможность такого численного роста человечества, которая вызовет необходимость положить этому росту предел,

конечно, существует. Но если когда-нибудь коммунистическое общество вынуждено будет регулировать производство людей, так же как оно к тому времени уже урегулирует производство вещей, то именно оно и только оно сможет выполнить это без затруднений... Во всяком случае, люди в коммунистическом обществе сами решат, следует ли применять для этого какие-либо меры, когда и как, и какие именно. Я не считаю себя призванным к тому, чтобы предлагать им что-либо или давать им соответствующие советы. Эти люди, во всяком случае, будут не глупее нас с Вами» (т. 35, стр. 124).

Недавно впервые на русском языке было опубликовано одно интервью Энгельса, которое он дал за два года до смерти. В ответ на вопрос относительно будущего общества он, между прочим, сказал: «Заранее готовые мнения относительно деталей организации будущего общества? Вы и намек на них не найдете у нас» (т. 22, стр. 563).

Людей, фантазирующих о деталях будущего общества, Энгельс презрительно именовал «социалистами будущего».

Тот же научный подход отличал и прогнозы Маркса и Энгельса относительно будущей эволюции семьи, брака и любви.

Подобно тому как теория научного коммунизма в целом принципиально отличалась от коммунизма грубого, уравнилельного и аскетического, так отличались и были противоположны аскетизму — как показному, так и действительному — и взгляды Маркса и Энгельса на любовь. В этом отношении чрезвычайно показательно то, что всего за несколько месяцев до «Происхождения семьи...» писал Энгельс о Георге Веерте — первом пролетарском поэте Германии: «В чем

Веерт был мастер, в чем он превосходил Гейне (потому что был здоровее и искреннее) и в немецкой литературе был превзойден только одним Гёте, это в выражении естественной, здоровой чувственности и плотской страсти... И для немецких социалистов должен когда-нибудь наступить момент, когда они открыто отбросят этот последний немецкий филистерский предрассудок, ложную мещанскую стыдливость, которая, впрочем, служит лишь прикрытием для тайного сквернословия. Когда, например, читаешь стихи Фрейлиграта, то действительно можно подумать, что у людей совсем нет половых органов. Однако никто так не любил послушать втихомолку пикантный анекдот, как именно этот ультрацеломудренный в поэзии Фрейлиграт. Пора, наконец, по крайней мере немецким рабочим привыкнуть говорить о том, чем они сами занимаются днем или ночью, о естественных, необходимых и чрезвычайно приятных вещах, так же непринужденно, как романские народы, как Гомер и Платон, как Гораций и Ювенал, как Ветхий завет и «Новая Рейнская газета» (т. 21, стр. 5—6).

А через несколько месяцев, в 1884 году Энгельс, как мы видели, разработал проблему любви в своей книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Так через сорок лет первые идеи Маркса, высказанные в его «Экономическо-философских рукописях 1844 года», получили свое завершающее развитие.

Ничто человеческое не было им чуждо в жизни, и ни одна проблема человеческой жизни не была обойдена в созданной ими теории. Вот почему тема «Маркс о любви» укладывается в проблематику теории научного коммунизма.